

Пу Тяньбай первым поднялся на шестой этаж. Следом тащился Хуа Тяньсяо — блаженный чудила, который, судя по всему, вообще не понимал, что происходит. Замыкала шествие троица новичков. Вид у них был такой убогий, словно они шли за гробом собственных родителей.

Нащупав замочную скважину своей пятой комнаты, Тяньбай тихо вздохнул. Внутри крепло глухое, липкое предчувствие.

«Нам крышка».

Глядя на этих перепуганных бедолаг, он понимал — случись что, никто даже руку помощи не протянет. И пускай сам он числился в новичках, сейчас его накрыла вполне ветеранская тоска.

— Ой, — раздался прямо над ухом тихий, вкрадчивый шепот. — В комнаты в самом конце коридора лучше не заселяться.

В этом доме на каждом этаже было по четыре квартиры. Их пятая комната как раз замыкала длинный коридор шестого этажа.

У Тяньбая дрогнула рука, он едва не выронил ключ. Резко обернувшись, он обнаружил, что лицо Хуа Тяньсяо находится в опасной близости. Тот едва ли не упирался подбородком ему в плечо, дыша прямо в ухо.

Тяньбая аж передернуло:

— Ты больной?!

Хуа Тяньсяо широко распахнул глаза, изображая искреннее, невинное изумление. Выдержав театральную паузу, он заговорил подчеркнуто жеманным, плаксивым голосом:

— Я... я же просто пошутил... Тяньбай, ну не сердись ты...

— Твою мать, — вполголоса выругался Тяньбай.

Он снова принялся ковыряться в замочной скважине. В коридоре стояла кромешная тьма, тусклая лампочка над головой то и дело мигала, так что попасть ключом в замок удалось далеко не сразу.

Но стоило двери наконец поддаться, как чья-то рука мертвой хваткой вцепилась ему в запястье.

— Поменяйся со мной! Пожалуйста, давай поменяемся! — Линь Чжэ был уже на грани

истерики. На его пухлом лице проступили багровые капилляры, маленькие глазки лихорадочно блестели, а со лба градом катился пот. Он изо всех сил сжимал руку Тяньбая с ключом, пытаясь впихнуть в другую его ладонь свой собственный. — Давай поменяемся! Я никогда в жизни не спал один! Мне страшно! Смерти моей хочешь?!

— Отпусти! Да пусти же ты! — Тяньбай попытался стряхнуть его, но обезумевший от ужаса толстяк держал на удивление крепко.

«Надо же, — невольно подумал Тяньбай, — когда брат Фан бросил ему всего пару слов, этот боров тут же отступил. Всё-таки харизма — великое дело...»

С другой стороны, в голову пришла неожиданная мысль: а почему бы, собственно, и не поменяться?

Пухлому достался ключ от седьмой комнаты. Их было тринадцать человек, так что кому-то неизбежно предстояло остаться в одиночестве. Если они поменяются, в семерку заселится он, Пу Тяньбай.

«Жить одному... Может, это не так уж и плохо по сравнению с соседством с Хуа Тяньсяо? Этот придурок выглядит точь-в-точь как персонаж, который дохнет в первой же серии...»

Стоило этой мысли оформиться, как Тяньбай перестал вырываться. Он уже открыл было рот, чтобы предложить обсудить обмен, но тут вмешался Хуа Тяньсяо, до этого безучастно наблюдавший за сценой.

Одним резким движением он отодрал Линь Чжэ от Тяньбая, выхватил ключ от седьмой комнаты и швырнул его толстяку за спину. Пока тот, спотыкаясь, бросился его поднимать, Хуа Тяньсяо затолкнул Тяньбая в прихожую, захлопнул дверь и провернул замок. Всё это заняло секунды.

Снаружи тут же раздался неистовый стук — Линь Чжэ был уже на грани истерики и колотил кулаками в дверь. Осознав тщетность своих попыток, он переключился на соседнюю, шестую комнату. Впрочем, сидевшие там парень и девушка — еще двое новичков — благоразумно заперлись изнутри, пока в коридоре шла потасовка.

Прижавшись ухом к замочной скважине, Тяньбай прислушивался к звукам снаружи. Наконец раздался скрип закрывающейся двери — похоже, паникующий толстяк смирился со своей участью и убрался в седьмую. Тяньбай облегченно выдохнул. Честно говоря, перспектива остаться одному его тоже изрядно пугала.

Обернувшись, он прищурился от яркого света. Квартира была залита иллюминацией — горели абсолютно все лампы, до которых только можно было дотянуться. Из санузла доносился шум спускаемой воды. Сам же Хуа Тяньсяо стоял у кровати и с усердием тряс белоснежное одеяло, отчего по комнате пополз отчетливый запах плесени и залежалой пыли.

В гробовой тишине ночи эта суeta казалась диким грохотом.

Тяньбай остолбенел:

— Ты что творишь?

Хуа Тяньсяо уставился на него с искренним непониманием:

— В смысле?

— Зачем ты одеяло трясешь?

— Как зачем? Взбиваю.

— А шуметь-то обязательно?

Тяньсяо фыркнул:

— Ты что, в отелях никогда не останавливался?

Связь между дешевым клоповником и правилами приличных гостиниц ускользала от понимания Тяньбая, но сожитель уже увлеченно вещал:

— Сразу видно, почему ты до сих пор в массовке обретаешься. Элементарных правил не знаешь. Запоминай: когда въезжаешь в номер, первым делом включай весь свет. До последней лампочки. Потом смой воду в унитазе, открой краны, выдвини все ящики и шкафы... Только не делай всё это одновременно, шаг за шагом.

Тяньбай решил, что звездная болезнь заставляет того паранойить из-за папарацци:

— А, жучки ищешь? Скрытые камеры?

— Да при чем тут камеры! — отмахнулся Тяньсяо. — Так ты даешь понять здешним тварям: я пришел, теперь эта комната моя.

Тяньбай поперхнулся:

— Здешним... тварям?

Хуа Тяньсяо бросил одеяло, принялся за подушки и попутно закатил глаза:

— Да на тебе самом, небось, висит парочка таких приживал. Потому карьера и не клеится.

Тяньбай вытаращился на него:

— Ты серьезно веришь в эту чертовщину?

— А ты нет? — искренне удивился Тяньсяо. — Сам-то на церемониях начала съемок богам благовония не куришь, что ли?

Тяньбая меньше всего волновал вопрос суеверий. Его поражала вопиющая безалаберность этого капризного нарцисса. Только что он вел себя как законченный пофигист, а теперь вдруг ударился в мистические ритуалы.

— Ладно, а во все происходящее ты веришь?

— В происходящее? В это шоу? — Тяньсяо закончил свой ритуал и принялся выдвигать ящики тумбочки. Разочарованно цыкнув, он протянул: — М-да. Ну и жлобы эти организаторы. Seriously, даже мицеллярку не оставили?

Тяньбай тяжело вздохнул. Он понимал, что этот павлин продремал весь путь от банкетного зала до этого кошмара, так что его заблуждения вполне простительны. Но, будучи парнем незлобивым, он решил сделать еще одну попытку достучаться до здравого смысла коллеги. Усевшись поудобнее, Тяньбай произнес максимально серьезно:

— Хуа Тяньсяо, послушай меня внимательно. Это не съемки. Я сам до конца не понимаю, как мы тут оказались, но уверяю тебя: брат Юй и брат Фан никогда бы не стали устраивать подобный розыгрыш.

— Да-да, конечно, я всё понял, — отмахнулся Тяньсяо с самым отсутствующим видом.

Тяньбай по природе своей был парнем отзывчивым, и безмятежность соседа заставляла его изнывать от беспокойства. Помолчав, он не выдержал:

— Слушай... А зачем ты мне помог?

— В каком смысле?

— Ну, с Линь Чжэ.

— А-а, — Тяньсяо равнодушно пожал плечами. — Всё просто. Из вас двоих ты куда лучше подходишь мне для пиар-романа.

У Тяньбая голова пошла кругом:

— Для какого еще пиар-романа?!

— Хватит строить из себя невинность, — хмыкнул Тяньсяо и, окинув его оценивающим взглядом, направился в ванную. Уже закрывая за собой дверь, он бросил: — Ты, конечно, третьесортный актер, но мордашка у тебя симпатичная.

В ванной Хуа Тяньсяо с тоской уставился в зеркало.

Собираясь на вечер к Вань Чуньхуа, он, разумеется, приложил все усилия, чтобы выглядеть безупречно. На лице красовался так называемый «естественный юношеский макияж» — два часа кропотливой работы, слой за слоем. И надо же было так влипнуть! Оказаться на съемках без единого грамма очищающего средства.

Впрочем, мысль о том, чтобы выйти из игры, он отметал сразу.

«Ещё чего! Первое реалити-шоу великого режиссера Юй Цюся — это же гарантированный хит! Проект взорвет все чарты!»

Пускай остальные участники были сплошь ноунеймами, одного присутствия Юя хватало с головой. А ведь там был еще и Фан Сылун! Не раскрутить на этом фоне любовную линию было бы преступлением против шоу-бизнеса. Тяньсяо уже мысленно набрасывал заголовки для трендов в соцсетях.

«Наверняка агент решил, что я запорю роль в хорроре из-за плохой актерской игры, вот и устроил это похищение втемную... Решил разыграть меня. Жаль только, он забыл: отсутствие таланта не делает меня идиотом».

Впрочем, протащить его в такой масштабный проект — это действительно выдающийся ход со стороны агента. А уж как раскрутиться внутри шоу, Тяньсяо сообразит сам.

«Ладно, учитывая уровень этого проекта, так и быть, по возвращении не стану устраивать скандал».

Раздался негромкий стук в дверь.

— Эй, — донесся из коридора приглушенный голос Тяньбая. — Там в ванной... зеркало есть?

— Есть, — отозвался Тяньсяо.

— Черт... — Тяньбай, похоже, не шутя перепугался. — Ты это... поосторожнее там. Помнишь, что тот непись говорил? Нельзя смотреть в зеркала...

— Слышал уже, — приторно-сладким тоном ответил Тяньсяо.

Он не знал, установлены ли в санузле скрытые камеры. По логике вещей — вряд ли, но размах у шоу был серьезный, так что исключать ничего нельзя. А значит, нужно держать лицо каждую секунду.

«В наше время только ленивый не пиарится на отношениях. А пацан, которого мне подсунули, очень даже ничего. Хотя и безнадёжный ноунейм, но определенно в моем вкусе».

Он зачерпнул пригоршню холодной воды. Без специального молочка смывать плотный грим было сущим мучением — пришлось тереть лицо добрых пять минут, пока кожа не запылала. Наконец он выпрямился и придвинулся ближе к стеклу, высматривая остатки туши в уголках глаз.

Прошло около полуминуты, прежде чем до него начал доходить весь ужас происходящего.

Тяньсяо медленно отпрянул, разрывая дистанцию с зеркалом. Постоял пару секунд, всматриваясь в отражение, затем сделал шаг в сторону. Снова замер. Сделал еще два шага назад.

Крупная дрожь сотрясла его тело.

Кто... кто этот человек в зеркале?

Это был он. Его черты лица, его размазанный грим, его дизайнерская одежда.

Но...

Но почему у него такое лицо? Откуда на его физиономии взялось это выражение?

Как он вообще мог — здесь и сейчас — выглядеть вот так?!

Хуа Тяньсяо дебютировал в пятнадцать лет. С тех пор утекло много воды.

Школу он так и не закончил, а те крохи знаний, что успел получить за партой, давно выветрились из головы за годы разгульной, сытой жизни. Он прекрасно знал себе цену:

необразованный, пустой, обделенный мало-мальским талантом. И то, что он до сих пор держался на плаву в этой индустрии, обеспечивая себе безбедное существование, было заслугой исключительно его смазливой юной мордашки и фирменной «солнечной улыбки».

Эту улыбку он оттачивал перед зеркалом годами. Симпатичных мальчиков на рынке пруд пруди, и, чтобы выбиться в люди, ему требовалось нечто особенное. Ради этого он часами растягивал губы, расслаблял лицо, снова натягивал гримасу радости — и так сотни тысяч раз, пока мимические мышцы не стали работать с точностью швейцарских часов. Он даже убрал одну из ямочек на щеках — от природы их было две, — оставив лишь одну, пикантную. Благодаря этой детали и образу чистого, жизнерадостного юноши он сумел занять свою нишу, и его лицо украсило рекламные щиты по всей стране.

Хотя с его уровнем интеллекта Тяньсяо едва ли понимал, как вообще могут сочетаться в одном предложении слова «чистый» и «жизнерадостный» применительно к его персоне. Впрочем, это было неважно.

Примерно два года назад, когда он еще выступал в составе группы, случился один инцидент. После очередной бурной пьянки агент зажал его в номере отеля и швырнул в лицо пачку снимков. Тот орал как подорванный, брызжа слюной: «Полюбуйся на себя, скотина! Если бы пиар-отдел вовремя не перехватил эти кадры, твоей карьере пришел бы полный копец!»

У Тяньсяо тогда раскалывалась голова. Он пытался вспомнить, что натворил накануне... Увы, память стерло напрочь. Единственное, что он помнил — как в одиночку ушел с вечеринки. На теле не было никаких следов бурного секса или побоев, так что обвинения в крахе карьеры казались явным преувеличением. Агенты вечно любят наводить панику на пустом месте.

Но потом он взглянул на фотографии.

Тускло освещенный перекресток. Он стоит под мигающим светофором, слегка опустив голову. Но камерахватила его лицо во всех подробностях.

Столько убожества, тупости, пустоты и абсолютного отвращения к жизни было в этом взгляде... Будто человек напрочь лишился всякой надежды. На официальных промо-фото его худоба подавалась как результат жесткой диеты и работы над телом, но на этих кадрах он выглядел истощенным, жалким, с поникшими плечами — настоящая ходячая мумия, заблудшая на обочину жизни.

И это зрелище обладало сокрушительной силой.

Обычный снимок, сделанный исподтишка, в одно мгновение срывал с него маску «лучезарного ангела». И спорить с этим было бесполезно.

С того дня он возобновил свои тренировки перед зеркалом. Три тысячи фальшивых улыбок ежедневно. Железное правило, без поблажек.

Второй раз он столкнулся с этим выражением около полугода назад.

Он безумно устал — последние недели выдались адскими из-за ублажения одного капризного продюсера, — но всё равно заставил себя сесть перед зеркалом для дежурной разминки. В какой-то момент его мысли уплыли. А когда он очнулся и сфокусировал взгляд, то прямо перед собой, вплотную к стеклу, увидел это лицо.

Лицо абсолютно чужого человека, который, тем не менее, обитал внутри его собственного тела.

Тяньсяо тогда отшатнулся и шмякнулся на пол от ужаса.

Нельзя. Ни в коем случае. Никто не должен узнать, что под маской лучезарного айдола скрывается это чудовище. Никогда.

Но...

Почему? Какого черта?! Почему сейчас из зеркала на него смотрит именно этот монстр?

Он ведь точно знал, что улыбается! Он чувствовал, как растягиваются губы, но отражение оставалось абсолютно безучастным.

Оно было изможденным, мертвенно-бледным, с глубокими серыми тенями под глазами. Как повешенная марионетка, давно потерявшая интерес к жизни.

Почему?!

Он смещается влево — отражение послушно повторяет движение. Вправо — оно идет вправо. Он поднимает руку — рука в стекле взлетает вверх. Но когда он улыбается... почему оно не улыбается в ответ?

Почему?!

«Может, это не зеркало? Какая-то хитрая панель? Трансляция записи?»

Но откуда у съемочной группы могли взяться эти кадры?!

Снова раздался настойчивый стук. Сквозь запертую дверь донесся взволнованный голос Тяньбая — тот спрашивал, всё ли в порядке.

Но Хуа Тяньсяо не мог разомкнуть губ. Зеркало перед ним превратилось в бездонную черную

дыру, медленно, но неотвратно затягивающую его душу в пустоту.

<http://bllate.org/book/20607/2109042>